

Секция «Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»
**Литературная полемика о драматургии Г. Ибсена в русской критике конца
XIX – начала XX вв.**

Евдокимова Анна Сергеевна

Аспирант

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Факультет русской
филологии и национальной культуры, Рязань, Россия

E-mail: evdokimova-anna@list.ru

В своей оценке творчества Г. Ибсена русская критика конца XIX - начала XX вв. была далеко не однозначна. В рамках одного направления (охранительное, академическое, либерально-демократическое, символистское и др.) авторы критических статей часто не повторяли мысли друг друга, а наоборот - полемизировали друг с другом, открывали новые художественные и идейные грани произведений драматурга, по-разному характеризовали писателя как личность. Наиболее интересными для критиков вопросами творчества и биографии Ибсена независимо от их идейного направления были следующие:

- национальная самобытность;
- образы главных героев пьес;
- символизм и пессимизм творчества Ибсена;
- индивидуализм и противопоставление личности современному обществу.

Критика часто определяла «феномен творчества Ибсена» как проявление во многом экзотического для центральной Европы характера северного народа. Так, писатель и литературный критик А.А. Андреева отмечала, что поэмы этого драматурга «есть воплощение крайности норвежского характера» [Андреева 1900: 122]. П. Морозов в своей статье «Генрик Ибсен и его драмы» очень подробно описал читателю историю борьбы за независимость Норвегии от Дании в культурном плане: именно в это время возникла необходимость в создании своей оригинальной литературы, и исторические пьесы Ибсена, а затем и так называемые его фантастические пьесы - первые шаги на этом пути [5].

Отголосками мотивов скандинавской мифологии критик Ив. Иванов объясняет и образы семейно-бытовых пьес Ибсена. По его мнению, психологически сложный, во многом непонятный характер Норы может трактоваться единственно возможным образом: «Нора для нас существо не нашей планеты, по крайней мере, не нашей цивилизации. Единственная разгадка её героизма - в ее идейных родоначальницах» [Иванов 1898: 100], т.е. героинях легенд о викинггах и валькириях.

Критики часто были не единогласны, когда речь касалась главных героев пьес Ибсена. Одни читали их психологически точными, другие отмечали их недостаточную обработку, схематичность. Н.М. Минский писал, что «в пьесах действуют не мужчины и женщины, а какие-то бесполое существа» [Минский 1897: 53], носители определенной идеи, и уже одно это делает Ибсена символистом. П.Д. Боборыкин также считал норвежского драматурга символистом, и оба критика были едины в своей неблагоприятности к этому направлению.

С темой символизма граничит дискуссионный вопрос о пессимистической тенденции в творчестве Ибсена, выражающейся в трагическом финале почти всех его пьес. Некоторые авторы писали, что разные критики обвиняли Ибсена в пессимизме, но сами снять это обвинение аргументированно в своих статьях не брались. Они скорее старались понять, с чем связана эта обреченность, мрачное мироощущение в пьесах драматурга, и большинство приходило к выводу, что пессимизм главным образом заключает в себе идею наследственной зависимости. Исследователи считали, что, согласно идее Ибсена, должно

пройти множество поколений, прежде чем переросшие в пороки ветхие идеалы, которые отцы передают своим детям в виде общественных норм, заменит новое, свободное от предрассудков мировоззрение. Герой Ибсена - индивидуалист, догматика философии которого заключается в его оппозиции современному обществу и стремлению к свободе.

В своих работах русские критики рядом с Ибсеном из отечественных писателей чаще упоминали имя Л.Н. Толстого. П.Д. Боборыкин с целью оспорить суждение о том, что Ибсен - первооткрыватель новых художественных приёмов, не существовавших до него в мировой драматургии, говорил, что «такого Ибсена имеем мы в лице нашего крупнейшего писателя, графа Л. Толстого»: оба писателя «чрезвычайно талантливы», но «что за громадная разница между этими талантами» [Боборыкин 1893: 38]. Разницу эту Боборыкин видел, прежде всего, в нравоописательном характере драматургии Толстого и отсутствии «какого-либо поучения» в пьесах Ибсена. Однако сочетание «пристрастного отношения», отсутствия интриги, чередования отрывочных сцен «в сатирическом их освещении», по мнению Боборыкина, «едва ли не более новое слово, чем приёмы западных новаторов»; объединяет же обоих драматургов то, что оба они являются «искателями безусловной правды» [Там же: 38].

В целом же, русская критика склонялась к общему мнению, что содержательная и художественная стороны драматургии Ибсена могут быть отчасти интересны русскому театру, но высказывалась о новаторстве, беспрецедентности творчества норвежского писателя с осторожностью, хотя и признавала за ним бесспорную мировую славу, основанную не на моде, а на большом таланте. Уже в самом начале XX века некое скептическое отношение к популярности Ибсена исчезло со страниц журналов почти полностью и полемика, характерная для 80-х и 90-х гг. XIX века, сменилась более детальным исследованием произведений и личности самого писателя. Начался этап активного освоения творческого опыта норвежского драматурга русским художественным сознанием.

Источники и литература

- 1) Андреева А. Генрик Ибсен и основные идеи его произведений // Вестник Европы. 1900. №9. С.113–139.
- 2) Боборыкин П. Литературный театр. // Артист. 1893. №26. С.32–38.
- 3) Иванов Ив. Современный сфинкс // Мир Божий. 1898. №6. С.87–106.
- 4) Минский Н.М. Генрик Ибсен. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1897.
- 5) Морозов П. Генрик Ибсен и его драмы // Наблюдатель. 1884. №10. С.48–69.